

Евстафова Яна Анатольевна

**ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА
АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ
МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ**

(на материале английской художественной литературы
конца XIX – начала XX века)

Специальность 10.02.20 – «Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание»

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена на кафедре теории и практики английского языка ГОУ ВПО
«Челябинский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Олизько Наталья Сергеевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Нефёдова Лилия Амириновна

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000668754

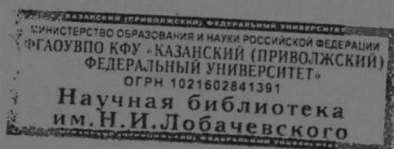
кандидат филологических наук
Зыкова Светлана Андреевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Магнитогорский
государственный технический университет»

Защита состоится «17» июня 2011 года в 10:00 часов на заседании
диссертационного совета ДМ 212.295.05 при ГОУ ВПО «Челябинский
государственный педагогический университет» по адресу: 454080,
г. Челябинск, пр. Ленина, 69, конференц-зал (ауд. 116).

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки ГОУ
ВПО «Челябинский государственный педагогический университет».

Автореферат разослан «__» мая 2011 года.

Учёный секретарь
диссертационного совета
доктор филологических
наук, доцент

Л.П. Юздова

Л.П. Юздова

Общая характеристика работы

Данное диссертационное исследование выполнено на материале русского и английского языков и посвящено когнитивному анализу специфики реализации антропоцентрических метафорических концептуализаций в языке оригинала (английском) и языке перевода (русском) в сравнительно-сопоставительном аспекте, а также изучению методов и способов передачи выявленной специфики при переводе с английского языка на русский.

Разработка лингвокогнитивной теории перевода требует учета особенностей языковой концептуализации и категоризации не только в плане универсальных процессов вербализации концептуального содержания, но и с точки зрения специфики реализации языковой концептуализации и категоризации для каждого отдельного языка.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью дальнейшего сравнительно-сопоставительного изучения особенностей языковой концептуализации в рамках различных языковых картин мира и установления закономерностей концептуального моделирования и перемоделирования в свете разработки одного из важнейших аспектов теории перевода – проблемы переводимости.

Объектом настоящего исследования являются концептуальные метафорические модели с целевой областью ЧЕЛОВЕК из произведений английской литературы конца XIX – начала XX века.

В качестве **предмета** исследования выступают лингвокогнитивные особенности использования переводческих трансформаций в контексте дифференциации концептуальных метафорических проекций, специфичных для языка оригинала и языка перевода, с учетом коннотативного потенциала единиц перевода.

В основу диссертационного исследования положена следующая **гипотеза**: когнитивным основанием метафорических выражений, номинирующих человека в разных языках, в большинстве случаев являются одни и те же концептуальные модели: ЧЕЛОВЕК – это ЖИВОТНОЕ, ЧЕЛОВЕК – это ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕК – это СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК – это РАСТЕНИЕ, ЧЕЛОВЕК – это АРТЕФАКТ, ЧЕЛОВЕК – это ПРИРОДНАЯ СТИХИЯ, ЧЕЛОВЕК – это ЯВЛЕНИЕ НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ, ЧЕЛОВЕК – это КОСМОС. Однако конкретная реализация области-источника номинативными средствами разных языков не совпадает. Различие в выборе основания для переноса признаков, свойственных одной референциальной области (области-источника), в иную референциальную область (область-цель) обусловлено лингвокогнитивными особенностями концептуализации и культурно-специфическими коннотациями. Соответственно, когнитивным основанием переводческих трансформаций при передаче подобного рода выражений является перемоделирование метафорической проекции с учетом специфики концептуальной картины мира и культурных коннотаций, связанных с конкретной областью-источником в лингвокультурной общности языка перевода.

Целью диссертации является лингвокогнитивный анализ антропоцентрических метафорических моделей в оригинальном и переводном текстах в аспекте достижения эквивалентности при переводе с английского языка на русский.

Данная цель предусматривает решение следующих задач:

- изучить теоретическую базу и методику исследования когнитивной метафоры;

- рассмотреть когнитивные основы перевода метафорических моделей;

- определить наиболее продуктивные метафорические модели с целевой областью ЧЕЛОВЕК в произведениях английской литературы конца XIX – начала XX века;

- проанализировать коннотативный компонент отобранных метафорических моделей и описать национально-культурную специфику данных моделей;

- провести сравнительно-сопоставительный анализ культурно обусловленных концептуализаций и коннотаций метафорических проекций в оригинальном и переводном текстах;

- определить специфику использования переводческих трансформаций в случаях сохранения и изменения концептуальной модели;

- выявить уровни эквивалентности перевода, релевантные для передачи антропоцентрических концептуальных моделей при переводе и систематизировать способы их перевода.

Материалом для настоящей работы послужили произведения английской литературы конца XIX – начала XX века: пять романов и двенадцать рассказов четырех английских писателей (О. Уайльд, Дж. Голсуорси, Д.Г. Лоуренс, К. Мэнсфилд). Было рассмотрено 1027 художественных примеров оригинального текста и 2059 их трансформаций в переводах, отобранных методом сплошной выборки. Выбор конкретных произведений предопределен наличием нескольких переводных вариантов на русском языке.

Теоретической базой диссертационного исследования являются труды ведущих отечественных и зарубежных ученых в области *переводоведения*: М.П. Брандес [2001], Н. Галь [2000], В.Н. Комиссарова [1990, 1991, 2001], Т.А. Казаковой [2001], Я.И. Рецкер [1982], А.Д. Швейцера [1988], N. Mandelblit [1995], Z. Maalej [1995]; *лингвокультурологии*: Ю.Д. Апресяна [1989, 1995], Н.Д. Арутюновой [1976, 1990], В.В. Красных [2003], В.А. Масловой [2001, 2007], В.Н. Телия [1991, 1996]; *когнитивистики*: В.З. Демьянкова [1996], Е.С. Кубряковой [1988], Дж. Лакоффа [1988, 1990], Л.А. Нефёдовой [2003, 2010], З.Д. Поповой [2002], И.А. Стернина [2002], Ю.С. Степанова [1997], Т.А. Фесенко [2001, 2004], А.П. Чудинова [2001, 2003].

В связи с многоаспектным изучением проблемы в работе используются следующие **методы**, характерные для современной антропоцентрической методологической парадигмы: классификация и количественная обработка данных, лингвокультурологическая характеристика исследуемых явлений с учетом национальных особенностей соответствующих языков и культур, когнитивное моделирование, концептуальный, контекстуальный и

сопоставительный методы анализа, описательно-аналитический метод, позволяющий детально и системно охарактеризовать исследуемый материал.

Теоретическая значимость настоящей диссертации заключается в дальнейшей разработке проблем категоризации и концептуализации в языке, в частности, в свете сравнительно-сопоставительного анализа особенностей реализации метафорических моделей, обнаруживающих национально-культурную специфику. Важное теоретическое значение имеет развитие методики сопоставительного описания метафорических моделей, включая разработку когнитивных оснований передачи концептуальных моделей при переводе.

Материалы диссертации могут быть использованы в дальнейших теоретических исследованиях по проблемам общей теории метафорического моделирования, при исследовании лингвокультурного своеобразия национальных картин мира, а также в работах по теоретическим вопросам перевода.

Практическая значимость исследования заключается в том, что представленный в диссертации материал и результаты его анализа могут быть использованы в курсах психолингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии, лингвострановедения, когнитивистики, межкультурной коммуникации, при написании работ, посвященных проблемам практического перевода метафорических моделей и различных образных феноменов.

Научная новизна исследования заключается в выявлении природы сходства и дифференциации концептуальных моделей с целевой областью ЧЕЛОВЕК для разных языков, комплексном описании когнитивных оснований и национально-культурной специфики языковых выражений компаративного характера, определении оптимальных, с точки зрения достижения эквивалентности, методов перевода культурно-специфичных метафорических выражений с английского языка на русский.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Антропоцентрическая метафора в произведениях художественной литературы является одним из важнейших средств концептуализации, категоризации и оценки окружающей действительности.

2. Концептуальные метафорические модели с целевой областью ЧЕЛОВЕК, реализуемые в русском и английском языках, обладают принципиальной общностью: ЧЕЛОВЕК – это ЖИВОТНОЕ, ЧЕЛОВЕК – это ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕК – это СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК – это РАСТЕНИЕ, ЧЕЛОВЕК – это АРТЕФАКТ, ЧЕЛОВЕК – это ПРИРОДНАЯ СТИХИЯ, ЧЕЛОВЕК – это ЯВЛЕНИЕ НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ, ЧЕЛОВЕК – это КОСМОС.

3. Различие в реализации концептуальных моделей в русском и английском языках обусловлено лингвокогнитивными особенностями концептуализации и национально-культурной спецификой коннотативного поля области-источника, характерного для когнитивной базы соответствующей лингвокультуры.

4. Возможность передачи метафорического образа при переводе в случае дифференциации компонентов концептуальных моделей обеспечивается концептуальным перемоделированием – изменением или уточнением области-источника на основании различий в концептуализации и несоответствий коннотативных компонентов значений номинантов образа в разных языках.

5. Концептуальное перемоделирование определяет необходимость лексико-семантической трансформации при переводе, что обеспечивает достижение эквивалентности на концептуальном и коннотативном уровнях.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены на научных конференциях «Смыслы, ценности, нормы в бытии человека, общества, государства» (Челябинск 2009), «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск 2010), «Язык и культура» (Челябинск 2010), на заседаниях кафедры французского языка и межкультурной коммуникации и кафедры теории и практики английского языка ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет», а также на семинарах Челябинского отделения Российской ассоциации лингвистов-когнитологов (2011).

Содержание настоящей работы нашло отражение в 8 публикациях, включая статью в рецензируемом издании, рекомендованном ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук: в «Вестнике Челябинского государственного университета».

Структура и объем работы определены поставленной целью и задачами исследования. Настоящая диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, списков словарей, энциклопедий и сокращений. В тексте 9 рисунков и 2 таблицы.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы, определяются цели и задачи, объект и предмет исследования, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, приводятся положения, выносимые на защиту, указываются материал и методы исследования, структура работы и её апробация.

Первая глава «**Лингвокогнитивные основы перевода концептуальных метафорических моделей**» представляет собой описание теоретико-методологической базы исследования, где излагаются теоретические предпосылки и уточняется содержание основополагающих понятий. В главе рассматривается процесс перевода с позиций лингвокультурологии и когнитивистики, изучаются теоретические подходы к анализу концептуальных метафорических моделей, выявляются релевантные принципы когнитивного перевода концептуальных моделей, определяются роль и методы перевода коннотативного содержания в метафорических моделях.

В п. 1.1 «**Лингвокогнитивные основы перевода как процесса порождения вторичного текста**» перевод определяется как особого рода когнитивно-семиотический процесс формирования вторичного речевого

произведения, осложненный, с одной стороны, двойственностью речемыслительной деятельности переводчика (рецепция и продукция), с другой – спецификой посреднической функции в межкультурной/межъязыковой коммуникации.

В п. 1.1.1 «Перевод как междисциплинарная отрасль знания» дается обоснование необходимости интегративного подхода к исследованию процессов перевода. С позиций интегративного подхода, объединяющего лингвокогнитивные и лингвокультурологические основания анализа, перевод представляет собой анализ особенностей ментальных моделей, реализуемых вербальными средствами в языке с учетом тех сфер когнитивной базы лингвокультурного сообщества, которые оказываются культурно обусловленными, то есть отражающими особенности концептуализации. Лингвокультуроведческие исследования соответствуют общей тенденции к переносу акцента современной лингвистики в сторону антропологической лингвистики, рассматривающей явление языка в тесной связи с человеком, его мышлением, и изучающей совокупность духовных ценностей и опыта языковой личности данной национально-культурной общности. В свете современных междисциплинарных тенденций и доминирующих исследовательских методологий в области теоретической и прикладной лингвистики представляется, что в качестве единой методологической платформы для комплексного анализа переводческой деятельности в процессуальном и результативном планах должен выступить лингвокогнитивный подход.

В п. 1.1.2 «Переводческая деятельность с когнитивных позиций» излагаются ключевые понятия лингвокогнитивного подхода к анализу фактов языка такие, как *когниция*, *когнитивная база*, *когнитивная сфера*, *когнитивное пространство*, выделяются этапы когнитивной деятельности, определяются макростратегические координаты перевода и константы переводческого процесса.

Когниция – совокупность психических процессов, служащих обработке и переработке информации – отражает суть самого переводческого процесса, состоящего из сложных мыслительных операций, основанных на собственных знаниях переводчика и учете когнитивных знаний реципиентов. Этот процесс возможен, когда переводчик знаком с когнитивной базой переводимого лингвокультурного сообщества, а также с набором основных компонентов когнитивной сферы автора исходного текста. В процессе перевода актуализируется когнитивная сфера, и именно тот фрагмент когнитивной сферы переводчика, который образуется при пересечении когнитивных сфер автора исходного текста и переводчика.

П. 1.2 «Когнитивный подход к переводу концептуальных метафорических моделей» посвящен обзору существующих концепций когнитивной метафоры и принципам перевода метафорических моделей.

В п. 1.2.1 «Когнитивный подход к исследованию метафоры» описываются основные взаимодействующие и развивающие друг друга подходы к исследованию метафоры как основной ментальной операции: классическая теория концептуальной метафоры (М. Джонсон, Дж. Лакофф),

теория концептуальной интеграции (Ж. Фоконье, М. Тернер), коннективная теория метафорической интерпретации (Д. Ричи), дескрипторная теория метафоры (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов), теория метафорического моделирования (А.П. Чудинов). Когнитивная теория предполагает, что метафора возникает на уровне глубинных структур человеческого разума, а поэтому современная теория метафоры выходит за пределы лингвистики. С когнитивной точки зрения, метафорические номинации представляют собой результат вербализации когнитивных процессов, реализуемых в рамках концептуальных моделей. Когнитивный процесс метафоризации заключается в приписывании (переносе) признаков, свойственных одной референциальной области (области-источника), иной референциальной области (области-цели).

В п. 1.2.2 «**Метафорические модели как способ концептуализации действительности**» определяются основные положения теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, а также некоторые постулаты теории метафорического моделирования А.П. Чудинова, которые используются для дальнейшего анализа метафорических моделей.

В соответствии с общими представлениями когнитивной лингвистики, язык – это единый континуум символьных единиц, не подразделяющийся естественным образом на лексикон, морфологию и синтаксис. В связи с этим при анализе концептуальной метафоры принимаются во внимание не только собственно метафоры, но и сравнительные обороты, разнообразные перифразы, метонимия и иные образные средства, учитываются не только собственно слова, но и фразеологизмы, составные наименования; рассматриваются слова, относящиеся к различным частям речи, лексико-грамматическим разрядам и семантическим объединениям. Иначе говоря, понятийное сближение воспринимается как фактор более важный, чем уровневые или структурные различия [Чудинов, 2001].

П. 1.2.3 «**Концептуальное проецирование при переводе метафорических моделей**» рассматривает принципы перевода концептуальной метафоры. Когнитивная проекция позволяет принять во внимание прагматические аспекты речевой деятельности: языковая концептуализация не может не быть прагматически и культурологически обусловленной, что является источником своеобразия коннотативного и образного компонентов языковых номинаций. Вместе с тем, сопоставительные исследования метафорических концептуализаций, характерных для той или иной лингвокультуры, позволяют выявить национально-культурную специфику мировосприятия. Концептуальное проецирование выступает в качестве динамического, ситуативно обусловленного процесса, который позволяет, выявить перспективу концептуализации и преобразовать метафорическую проекцию при сохранении передаваемого концептуального содержания.

В п. 1.3 «**Коннотация как культуролого-когнитивный феномен**» раскрывается роль и место коннотации в языковой концептуализации, описываются способы передачи коннотативного содержания в переводе метафорических моделей.

П. 1.3.1 **«Коннотативный компонент метафорических выражений»** содержит описание коннотации как лингвокогнитивного феномена, который проявляется на разных языковых уровнях и функционирует как в индивидуально, так и общественном сознании. Коннотация представляет собой компонент разделяемого языкового сознания, который фиксирует в языковой картине мира специфику концептуальной картины мира, свойственной отдельному лингвокультурологическому сообществу. Наиболее ярко культурологические коннотации проявляются при метафорических приращениях смысла, что позволяет рассматривать метафорические номинации как источник сведений о специфике национальной языковой картины мира.

В п. 1.3.2 **«Проблемы перевода коннотативного содержания концептуальных метафорических моделей»** определяется необходимость воспроизведения на языке перевода этнокультурной специфики языка оригинала. Пределом переводческой эквивалентности является максимально возможная степень сохранения ассоциативно-оценочного содержания оригинала при переводе. В каждом отдельном переводе смысловая близость к оригиналу приближается к максимальной в разной степени и различными способами.

Вторая глава **«Особенности перевода антропоцентрических метафорических моделей в произведениях английской художественной литературы конца XIX – начала XX века»** посвящена анализу антропоцентрических метафорических моделей и изучению особенностей их перевода с английского языка на русский: выявляются уровни эквивалентности перевода антропоцентрических моделей, анализируется использование переводческих трансформаций в ситуациях сохранения и изменения метафорической проекции, описываются способы перевода коннотативных лингвокультурных особенностей.

Репертуар концептуальных моделей включает как универсальные, так и культурно-специфические варианты реализации метафорических проекций. Наличие универсальных моделей обусловлено нейрофизиологическими универсалиями, принципиальной общностью внешнего мира людей. В то же время различие внешней среды и в связи с этим несовпадение практического опыта по ряду параметров обуславливают особенности концептуализации, появление метафорических выражений, свойственных языковому сознанию конкретного лингвокультурного сообщества. Среди проанализированных примеров нами были выявлены наиболее продуктивные метафорические модели с целевой областью ЧЕЛОВЕК: ЧЕЛОВЕК – это ЖИВОТНОЕ, ЧЕЛОВЕК – это ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕК – это СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК – это РАСТЕНИЕ, ЧЕЛОВЕК – это АРТЕФАКТ, ЧЕЛОВЕК – это ПРИРОДНАЯ СТИХИЯ, ЧЕЛОВЕК – это ЯВЛЕНИЕ НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ, ЧЕЛОВЕК – это КОСМОС.

В п. 2.1 **«Уровни эквивалентного перевода концептуальных метафорических моделей»** предлагается уровневая оценка эквивалентности перевода, способствующая решению переводческой задачи, которая заключается в поиске и выборе варианта перевода. Сравнительно-сопоставительный анализ случаев дифференциации концептуальных проекций

и метафорических выражений в русском и английском языках в рамках избранных моделей позволяет сделать вывод о том, что источниками варьирования оказываются особенности концептуализации, связанные с культурными коннотациями. Это дает возможность выделить два типа эквивалентности: концептуальный и концептуально-коннотативный.

П. 2.1.1 «Концептуальный уровень перевода антропоцентрических метафорических моделей» посвящен выявлению особенностей концептуального проецирования. Концептуальное проецирование в переводе метафорических моделей зависит от степени общности концептуального пространства. Аналогичное метафорическое проецирование основывается на сходстве концептуальных картин мира, в то время как иное метафорическое проецирование отражает отличие последних. В процессе исследования получены следующие данные:

- сохранение антропоцентрических метафорических моделей и области-источника составляет 53%;
- сохранение модели с уточнением области-источника – 30%;
- изменение области-источника – 17%.

Перевод метафорических моделей на концептуальном уровне можно схематично изобразить следующим способом:

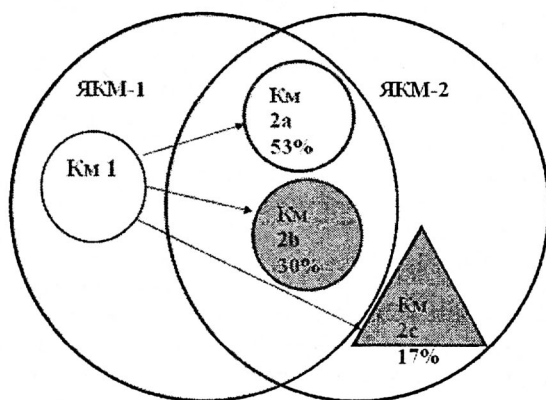

Рис. 1. Концептуальный уровень перевода метафорических моделей

Две окружности представляют собой пересекающиеся языковые картины мира двух культур, где ЯКМ-1 – языковая картина мира языка оригинала (ИЯ), а ЯКМ-2 – языковая картина мира языка перевода (ПЯ). Перевод концептуальной модели ИЯ (Км 1) допускает три возможных варианта реализации метафорической проекции. В случае сохранения модели эти варианты находятся в общей для ЯКМ-1 и ЯКМ-2 области. Использование

аналогичного языкового выражения ведет к образованию Км 2а в принимающей культуре, иное лингвистическое выражение реализуется в Км 2b. Изменение концептуальной модели ИЯ образует переход к употреблению иной модели ПЯ (Км 2с). Использование иного метафорического выражения обозначено серым цветом.

Данные, представленные на рисунке 1, можно проиллюстрировать нижеприведенными примерами, которые позволяют выделить следующие способы передачи антропоцентрических метафорических моделей на концептуальном уровне:

1. **Перевод с изменением концептуальной модели в ПЯ**, обусловленный либо наличием иного коннотативного компонента языкового выражения, либо отсутствием исходного выражения для характеристики области-цели, либо употреблением фразеологических оборотов ИЯ, не совпадающих с ПЯ:

'Has she said anything to you about Tony Croom?'

'Yes. She laughed and said he'd dropped her like a hot potato' [Galsworthy, Over the River, URL].

– Она вам ничего не говорила о Тони Круме?

– Говорила. Она сказала, смеясь, что он шарахнулся от нее, как от огня [Голсуорси, На другой берег (пер. В. Станевич), URL].

В переводе исходная концептуальная метафорическая модель ЧЕЛОВЕК – это ЕДА заменена на модель ЧЕЛОВЕК – это ПРИРОДНАЯ СТИХИЯ. Замена образа связана с тем, что переносное значение выражено фразеологическим оборотом, который не имеет аналогичного языкового эквивалента в языке перевода. Ввиду отсутствия эквивалента, переводчик прибегает к переводу функциональным аналогом – ближайшим по смыслу фразеологизмом. Прозрачность оборота теоретически позволяет фразеологическую кальку, но сравнение человека с картошкой привнесло бы в текст перевода незапланированную автором семантику пренебрежительности, что, как представляется, было бы большей переводческой вольностью.

2. **Перевод с сохранением концептуальной модели, но иным лингвистическим выражением.** В данном случае переводческие ограничения связаны как с концептуальными, так и с внутриязыковыми факторами.

В следующем примере заслуживает внимание конкретизирующая замена *winter* → *мороз*:

"He felt strong as winter, his hands were living metal, invincible and not to be turned aside" [Lawrence, Women in Love, URL].

«Он чувствовал себя сильным, как мороз, его руки были ожившим металлом, нельзя было побороть их хватку, их нельзя было сбросить» [Лоуренс, Женщины в любви (пер. Е. Колтуковой), URL].

Метафорическая модель языка оригинала ЧЕЛОВЕК – это ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ сохраняется, конкретизация образа связана с несоответствием в категории рода единиц русского языка, номинирующих сопоставляемые явления.

В ряде случаев использование иного лингвистического выражения обусловлено прагматической необходимостью.

"Very well, my dear, and bless you – you got me on a subject I often think about. Serpent!" [Galsworthy, Maid in Waiting, URL].

Перевод с сохранением области-источника ЖИВОТНОЕ и аналогичным метафорическим выражением:

– *Слушаюсь, дорогая. А ведь ты поймала меня на вопросе, о котором я частенько размышляю. Змея!* [Голсуорси, В ожидании (пер. Ю. Корнеева и П. Мелковой), URL].

Перевод с сохранением области-источника ЖИВОТНОЕ и иным метафорическим выражением:

– *Хорошо, дорогая, и спасибо тебе – ты навела меня на тему, о которой я часто думаю. Ах ты, лиса!* [Голсуорси, Девушка ждет (пер. Е. Голышевой и Б. Изакова), URL].

В варианте перевода Ю. Корнеева и П. Мелковой используется аналогичное языковое выражение «змея». В русской языковой картине мира «змея» характеризуется коварством и хитростью, в толковых словарях В.И. Даля, С.И. Ожегова читаем: «змея – злой человек, скрытный и злобный». Кроме того, в русском языке известны поговорки: «Змея умирает, а все зелье хватает. Сколько змею ни держать, а беды от нее ждать. Выкормил змейку на свою шейку. Отогрел змею за пазухой. Запазушная (или подколодная) змея». Контекст произведения предполагает добродушное подтрунивание любимого дяди над племянницей, из чего следует, что перевод с изменением выражения в переводе Е. Голышевой и Б. Изакова на номинацию «лиса» в значении «лукавый, хитрый человек» более соответствует оригинальной задумке.

3. Перевод с сохранением концептуальной модели и аналогичным языковым выражением.

В данном случае достигается наивысшая степень формальной и функциональной близости между текстами оригинала и перевода, возможная там, где норма эквивалентности не вступает в противоречие с другими переводческими нормами, а именно прагматической нормой и нормой переводящей речи.

Рассмотрим пример, дающий возможность сравнить перевод с аналогичным языковым выражением и перевод с заменой образа.

"Gerald walked with his queer, long wolf-steps across the bedroom to the window, stooped and looked out, then rose again, and turned to Gudrun, his eyes sharp with an abstract smile. ... But she knew also that he was completely blind, blind as a wolf looking at her" [Lawrence, Women in Love, URL].

В оригинале обращает на себя внимание метафора, развернутая за счет повтора лексической единицы *wolf* (волк), создающая яркий образ, который важно сохранить в переводе во всей его полноте. Как представляется, перевод с аналогичным лингвистическим выражением обусловлен прозрачностью образа и однозначностью контекста:

«Джеральд прошел к окну своей особенной – волчьей – походкой, наклонился, посмотрел наружу, выпрямился и повернулся к Гудрун – в глазах его зажеглась неясная усмешка. ... Но она понимала, что он сейчас как слепой – так волк смотрит на свою добычу» [Лоуренс, Влюбленные женщины (пер. В. Бернадской), 2007, с. 464-465].

В переводе Е. Колтуковой образ хищника теряется в связи с его заменой во второй части:

«Джеральд странными, по-волчьи длинными шагами подошел к окну, наклонился и выглянул наружу, затем вновь выпрямился и повернулся к Гудрун. Его глаза вспыхнули рассеянной улыбкой. ... Однако она знала и то, что, когда он смотрел на нее, он полностью терял зрение, он становился слепым, точно крот» [Лоуренс, Женщины в любви (пер. Е. Колтуковой), URL].

Замена *wolf* → *крот* не может считаться эквивалентной, так как приводит к разрушению образа: вместо хищного зверя, ослепленного эмоциями, мы видим беспомощного, слепого от природы грызуна.

При оценке перевода когнитивная концепция, степень смыслового соответствия оригинального текста и его перевода не менее значимы, чем детали переводческой техники. Вместе с тем, стремясь к наиболее точному переводу, то есть к соблюдению нормы эквивалентности, переводчик должен учитывать другие переводческие нормы, имеющие приоритет над нормой эквивалентности, прежде всего – прагматическую норму и норму переводческой речи.

Перевод концептуальных моделей с изменением областей-источников ЖИВОТНОЕ, ЧЕЛОВЕК, АРТЕФАКТ, ЯВЛЕНИЕ НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ сопровождается использованием более абстрактных и размытых понятий, относящихся к таким областям-источникам, как ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ, АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ, СВОЙСТВО ПРЕДМЕТА, СВОЙСТВО ЯВЛЕНИЯ. В случае изменения в ПЯ концептуальных моделей с областями-источниками СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО, ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ наблюдается обратная тенденция к конкретизации образа посредством обращения к областям-источникам ЖИВОТНОЕ, ЧЕЛОВЕК, АРТЕФАКТ. На основании изученного материала мы можем заключить, что степень концептуальной эквивалентности обусловлена наличием общего концептуального пространства для ИЯ и ПЯ, закрепленного в языковых картинах мира двух культур. Дифференциация концептуального проецирования между языками проявляется в следующем:

- в обращении к разным областям-источникам для характеристики целевой области;
- в использовании разных агентов для реализации области-источника;
- в различной интенсивности употребления тех или иных лексико-семантических групп;
- в отличии коннотативных оттенков при аналогичных метафорических переносах.

П. 2.1.2 «Коннотативный уровень перевода антропоцентрических метафорических моделей» выявляет влияние коннотации в составе

«Джеральд прошел к окну своей особенной – волчьей – походкой, наклонился, посмотрел наружу, выпрямился и повернулся к Гудрун – в глазах его зажглась неясная усмешка. ... Но она понимала, что он сейчас как слепой – так волк смотрит на свою добычу» [Лоуренс, Влюбленные женщины (пер. В. Бернадской), 2007, с. 464-465].

В переводе Е. Колтуковой образ хищника теряется в связи с его заменой во второй части:

«Джеральд странными, по-волчьи длинными шагами подошел к окну, наклонился и выглянул наружу, затем вновь выпрямился и повернулся к Гудрун. Его глаза вспыхнули рассеянной улыбкой. ... Однако она знала и то, что, когда он смотрел на нее, он полностью терял зрение, он становился слепым, точно крот» [Лоуренс, Женщины в любви (пер. Е. Колтуковой), URL].

Замена *wolf* → *крот* не может считаться эквивалентной, так как приводит к разрушению образа: вместо хищного зверя, ослепленного эмоциями, мы видим беспомощного, слепого от природы грызуна.

При оценке перевода когнитивная концепция, степень смыслового соответствия оригинального текста и его перевода не менее значимы, чем детали переводческой техники. Вместе с тем, стремясь к наиболее точному переводу, то есть к соблюдению нормы эквивалентности, переводчик должен учитывать другие переводческие нормы, имеющие приоритет над нормой эквивалентности, прежде всего – прагматическую норму и норму переводческой речи.

Перевод концептуальных моделей с изменением областей-источников ЖИВОТНОЕ, ЧЕЛОВЕК, АРТЕФАКТ, ЯВЛЕНИЕ НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ сопровождается использованием более абстрактных и размытых понятий, относящихся к таким областям-источникам, как ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ, АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ, СВОЙСТВО ПРЕДМЕТА, СВОЙСТВО ЯВЛЕНИЯ. В случае изменения в ПЯ концептуальных моделей с областями-источниками СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО, ПРИРОДНОЕ ЯВЛЕНИЕ наблюдается обратная тенденция к конкретизации образа посредством обращения к областям-источникам ЖИВОТНОЕ, ЧЕЛОВЕК, АРТЕФАКТ. На основании изученного материала мы можем заключить, что степень концептуальной эквивалентности обусловлена наличием общего концептуального пространства для ИЯ и ПЯ, закрепленного в языковых картинах мира двух культур. Дифференциация концептуального проецирования между языками проявляется в следующем:

- в обращении к разным областям-источникам для характеристики целевой области;
- в использовании разных агентов для реализации области-источника;
- в различной интенсивности употребления тех или иных лексико-семантических групп;
- в отличии коннотативных оттенков при аналогичных метафорических переносах.

II. 2.1.2 «Коннотативный уровень перевода антропоцентрических метафорических моделей» выявляет влияние коннотации в составе

метафорической модели на процесс перевода. При реализации некоторых метафорических моделей основанием для переноса служат культурно-специфические коннотации как этноспецифические ассоциации, закрепленные в номинации стереотипные представления о данном референте, разделяемые всеми членами лингвокультурной общности.

Вслед за В.Н. Комиссаровым (2001), мы выделяем три варианта переводческой эквивалентности при воспроизведении коннотативных оттенков значения:

1. Первый вариант переводческой эквивалентности реализуется в случае, когда признак, составляющий образный компонент содержания знака в ИЯ, отсутствует в ПЯ. Эквивалентное воспроизведение этой части значения возможно лишь в рамках всего высказывания, то есть путем сочетания ряда признаков, призванных вызвать сходные эмоционально-оценочные ассоциации:

"Dash it all, Dinny, you and Jack Muskham seem to be the only pelicans in my wilderness" [Galsworthy, Flowering Wilderness, URL].

Словарный эквивалент метафорической номинации области-источника ЖИВОТНОЕ *pelicans* – пеликаны не будет являться концептуальным и коннотативным эквивалентом. Соответственно, буквальный перевод, предлагаемый Ю. Корнеевым и П. Мелковой, оказывается бессмысленным:

«Ну их всех! Ты и Джек Масхем – единственные пеликаны в моей пустыне» [Голсуорси, Цветок в пустыне (пер. Ю. Корнеева и П. Мелковой), URL].

Для достижения эквивалентного перевода необходимо либо изменить лингвистическое выражение, либо преобразовать концептуальную модель, что можно проследить в переводе Е. Голышевой и Б. Изакова:

«Черт побери, Динни, вы с Джеком Масхемом последнее мое утешение в этой пустыне!» [Голсуорси, Пустыня в цвету (пер. Е. Голышевой и Б. Изакова), URL].

2. Второй вариант переводческой эквивалентности коннотативного компонента достигается в ситуации, когда аналогичной образной характеристикой обладает слово в ПЯ, описывающее иной денотат. В этом случае используется замена образа:

'I'm glad you think so. They usually tell me, in a sideways fashion, that I'm the monkey.'

'Oh, they would! My dear fellow, what could you be but a monkey, to all the old women?' [Lawrence, Lady Chatterley's Lover, URL].

– Рад слышать. Меня до сих пор называли за глаза жеребцом.

– А ты что ожидал? Ты и есть жеребец для этих трухлявых старух [Лоуренс, Любовник леди Чаттерли (пер. И. Багрова, М. Литвинова), URL].

Одной из отличительных особенностей русского и английского языков является возникновение сходного коннотативного содержания у различных номинаций. Регулярность актуализации данных коннотаций приводит к появлению новых лексико-семантических вариантов слов. В результате в разных языках для передачи одного и того же концептуального содержания используются различные образы. Например, в английском языке у номинации

«monkey» (обезьяна) появилось значение «дамский угодник». Однако в русскоязычной культуре метафорический образ обезьяны соотносится с человеком, склонным к подражанию другим, гримасником, кривлякой. Среди зоометафор русского языка значение, близкое к значению «дамский угодник», «повеса», передает номинация «жеребец» («рослый, сильный мужчина, повеса»). Именно это соответствие и используют переводчики И. Багров и М. Литвинова.

3. Третий вариант передачи коннотативного содержания используется в переводе, когда соответствующие слова в ИЯ и ПЯ обладают одинаковыми ассоциативно-образными характеристиками. В подобных случаях при переводе достигается высшая степень эквивалентности в передаче коннотативного компонента:

"Dinny was slight and rather tall; she had hair the colour of chestnuts, an imperfect nose, a Botticellian mouth, eyes cornflower blue and widely set, and a look rather of a flower on a long stalk that might easily be broken off, but never was." [Galsworthy, Maid in Waiting, URL]

«Это была тоненькая, довольно высокая девушка: каштановые волосы, вздёрнутый нос, рот, как у боттичеллиевских женщин, широко расставленные васильковые глаза, – цветок на длинном стебле, который, казалось, так просто сломать и который никогда не ломался» [Голсуорси, В ожидании (пер. Ю. Корнеева и П. Мелковой), URL].

Картины Боттичелли являются общекультурным наследием, и потому метафорические модели с использованием данного образа обладают одинаковыми ассоциативными характеристиками.

Несовпадение коннотативного содержания концептуальной модели является релевантным фактором в выборе компонентов модели: области-источника и метафорического выражения, как в нижеследующем примере.

"This Club, at least, can sit up and take notice. We don't want rats in Burton's!" [Galsworthy, Flowering Wilderness, URL]

В оригинале автор описывает ситуацию, в которой главный герой оказывается трусом и предателем. Именно эту семантику призван передать образ *rat* (крыса) в исходном языке. При переводе ближайшим эквивалентом значение «трус, предатель» утрачивается, в то время как реализуется совсем иной ассоциативный ряд: «гад, гадина, гнус, касть, пакостища, поганка, плюгава». Это делает наиболее близкий, буквальный перевод данного фрагмента неэквивалентным:

«Пусть хоть клуб возвысит голос и выскажет своё мнение. Нам в «Бэртоне» не нужны крысы!» [Голсуорси, Цветок в пустыне (пер. Ю. Корнеева и П. Мелковой), URL].

Ближайшим по ассоциативному ряду образом в языке перевода является образ *зайца*, которому в русскоязычной картине мира приписывается характеристика «трусость». Данную замену метафорического выражения находим в переводе Е. Голышевой и Б. Изакова:

Ну, хотя бы тут, в клубе, могут же люди запротестовать! Нам в "Бартоне" заячьи души не нужны! [Голсуорси, Пустыня в цвету (пер. Е. Голышевой и Б. Изакова), URL].

Несмотря на то, что в формальном отношении данный вариант перевода дальше от оригинала, в динамическом (Ю. Найда), или прагматическом (А. Нойберт), отношении его следует признать более эквивалентным.

Среди проанализированных нами единиц различия коннотативного потенциала обнаруживают 47% примеров (482 единицы). В связи с этим хотелось бы отметить, что в 23% случаев (464 варианта перевода), несмотря на различия коннотативного значения, переводчики предпочитают буквальный перевод номинации.

Наличие в когнитивной базе и, соответственно, в языковой картине мира определенного коннотативного потенциала метафорических номинаций в концептуальной модели может служить причиной когнитивного диссонанса между языками.

В п. 2.2 **«Лингвокогнитивные особенности лексико-семантических трансформаций в переводе антропоцентрических концептуальных метафорических моделей»** определяется специфика использования переводческих трансформаций в случаях сохранения и изменения концептуальной модели, а также при передаче коннотативного содержания.

Для анализа и передачи концептуального содержания метафорической модели, а также коннотативного компонента метафорического выражения приобретают актуальность лексико-семантические трансформации, поскольку смысловые и ценностные параметры концептуальной модели мира выражены в лексико-семантическом слое. При этом отсутствие в языке перевода какого-либо грамматического явления не означает невозможности точной передачи всей понятийной информации, содержащейся в оригинале.

Классификацию лексико-семантических трансформаций, предложенную Л.С. Бархударовым (генерализация, конкретизация, добавление, опущение) и В.Н. Комиссаровым (генерализация, конкретизация, модуляция), мы предлагаем дополнить приемом реметафоризации (замена одной метафоры другой), выделяемым А.Д. Швейцером.

П. 2.2.1 **«Лексико-семантические трансформации в переводе с изменением концептуальной модели языка оригинала»** посвящен выявлению особенностей употребления трансформационных приемов в случае изменения концептуальной модели в ПЯ. Изменение концептуальной модели сопровождается такими видами лексико-семантических трансформаций, как добавление (2%, 4 варианта перевода), реметафоризация (22%, 78 вариантов перевода), опущение (25%, 86 вариантов перевода), модуляция (51%, 181 вариант перевода). Данные виды трансформаций перемоделируют метафорическое выражение ИЯ и саму область-источник. Наиболее продуктивным видом трансформации является модуляция, основанная на когнитивной способности логического вывода причинно-следственных связей. Это замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой логически выводится из значения исходной единицы

[Комиссаров, 2001]. В случае перевода метафорических оборотов модуляция часто принимает форму экспликации переносного значения номинации. Так, в нижеследующем примере опускается лексическая единица *stoat* (горностай) – животное, с которым сравнивается героиня. Но утрачиваемое значение эксплицируется прямым наименованием основания для сравнения – черты, объединяющей агента и референта.

She could see the Contessa's rapid, stoat-like sensationalism [Lawrence, Women in Love, URL].

Она смотрела на порывистую верткую чувственность графини [Лоуренс, Женщины в любви (пер. Е. Колтуковой), URL].

В п. 2.2.2 «Лексико-семантические трансформации в переводе с сохранением концептуальной модели языка оригинала» исследуются лексико-семантические трансформации, используемые при сохранении концептуальных моделей ИЯ, с уточнением области-источника. Употребление иного лексического выражения требует применения таких приемов, как конкретизация (15%, 95 вариантов перевода), генерализация (19%, 117 вариантов перевода) и реметафоризация (66%, 407 вариантов перевода), приводящих к изменению метафорического выражения, но не области-источника.

Реметафоризация как наиболее продуктивный вид трансформации в этом случае подразумевает прием создания функционально аналогичного образа. Необходимость этого вида трансформации продиктована избирательностью языка по отношению к явлениям внеязыкового мира, расхождениями в структуре семантических полей, семантической интерпретацией одних и тех же отрезков внеязыковой действительности, сочетаемостью языковых единиц, способами выражения коммуникативной структуры высказывания. Процесс реметафоризации предполагает воссоздание признаков номинанта языка оригинала в ином языковом выражении. Выбор того или иного образа-мотива реметафоризации связан не только с субъективной интенцией переводчика, но еще и с тем или иным миропониманием и соизмеримостью с системой стереотипных образов и эталонов, принадлежащих картине мира ПЯ [Швейцер, 1988].

В данном случае переводчик выступает в роли соавтора, беря на себя ответственность воссоздать запланированный автором эстетический эффект. Реметафоризация должна быть мотивирована когнитивными или лингвистическими причинами.

"Dinny gazed at him sideways, and her teeth showed" [Galsworthy, Maid in Waiting, URL].

«Динни искоса взглянула на него и **выпустила коготки**» [Голсуорси, В ожидании (пер. Ю. Корнеева и П. Мелковой), URL].

При переводе данного предложения метафорическое выражение *teeth showed* (оскалиться, дословно – показать зубы) изменено на *выпустила коготки*. Вероятно, переводчики руководствовались ассоциативным рядом, который вызывают эти метафоры. С оскалом ассоциируются крупные хищные звери, а выражение *выпустить коготки* (не когти) – с кошками. Сравнение с

крупным хищником не вписывается в образ героини – утонченной, образованной натуры, в то время как любая женщина может быть уподоблена кошке. Другими словами, в данном фрагменте изменение исходного образа обуславливают характерологические причины.

Для сравнения приведем вариант с буквальным переводом:

«Динни посмотрела на него искоса, и у нее блеснули зубы» [Голсуорси, Девушка ждет (пер. Е. Голышевой и Б. Изакова), URL].

Перевод словарным эквивалентом оказывается неудачным, так как допускает ложную интерпретацию, актуализируя образ не столько хищного зверя, сколько человека со вставленными металлическими зубами.

Выявление лингвокогнитивных особенностей позволяет разграничить лексико-семантические трансформации по типам метафорической проекции. Изменение концептуальной модели в ПЯ сопровождается такими видами лексико-семантических трансформаций, как добавление, модуляция, опущение, реметафоризация. В случае сохранения концептуальной модели, реализуемой посредством иного языкового выражения, актуальными являются такие виды лексико-семантических трансформаций, как генерализация, конкретизация, реметафоризация, приводящие к изменению метафорического выражения, но не области-источника.

В п. 2.2.3 **«Лексико-семантические трансформации при переводе коннотативного содержания концептуальных моделей»** раскрываются особенности содержания и передачи коннотативного компонента в метафорических концептуализациях.

При переводе концептуальных моделей с коннотативным компонентом в 23% случаев (464 варианта перевода), несмотря на наличие коннотативного значения, переводчики предпочитают дословный перевод номинации. В 24% (503 варианта перевода) коннотативный оттенок значения передается посредством следующих видов лексико-семантических трансформаций: добавление (0,4% 2 варианта перевода), конкретизация (8%, 41 вариант перевода), генерализация (11 %, 55 вариантов перевода), опущение (14 %, 70 вариантов перевода), модуляция (21,6%, 109 вариантов перевода), реметафоризация (45 %, 226 вариантов перевода).

Особенности перевода антропоцентрических метафорических выражений с коннотативным компонентом проявляются в ряде рассматриваемых нами концептуальных моделей.

1. Многочисленную группу представляет собой метафорическая модель ЧЕЛОВЕК – это ЖИВОТНОЕ (168 единиц). Обращение к фаунистической лексике для метафорической номинации объясняется тем, что многие важные для человека понятия являются слишком абстрактными и нечетко очерченными в нашем повседневном опыте, поэтому возникает необходимость зафиксировать эти представления при помощи других, более предметных и ясных понятий [Лапшина, 1998].

Ряд номинаций в данной модели являются лакунами для русской культуры, тем не менее, в переводах часто употребляется словарный эквивалент, в связи с чем задуманный образ оригинала остается нераскрытым:

крупным хищником не вписывается в образ героини – утонченной, образованной натуры, в то время как любая женщина может быть уподоблена кошке. Другими словами, в данном фрагменте изменение исходного образа обуславливают характерологические причины.

Для сравнения приведем вариант с буквальным переводом:

«Динни посмотрела на него искоса, и у нее блеснули зубы» [Голсуорси, Девушка ждет (пер. Е. Голышевой и Б. Изакова), URL].

Перевод словарным эквивалентом оказывается неудачным, так как допускает ложную интерпретацию, актуализируя образ не столько хищного зверя, сколько человека со вставленными металлическими зубами.

Выявление лингвокогнитивных особенностей позволяет разграничить лексико-семантические трансформации по типам метафорической проекции. Изменение концептуальной модели в ПЯ сопровождается такими видами лексико-семантических трансформаций, как добавление, модуляция, опущение, реметафоризация. В случае сохранения концептуальной модели, реализуемой посредством иного языкового выражения, актуальными являются такие виды лексико-семантических трансформаций, как генерализация, конкретизация, реметафоризация, приводящие к изменению метафорического выражения, но не области-источника.

В п. 2.2.3 **«Лексико-семантические трансформации при переводе коннотативного содержания концептуальных моделей»** раскрываются особенности содержания и передачи коннотативного компонента в метафорических концептуализациях.

При переводе концептуальных моделей с коннотативным компонентом в 23% случаев (464 варианта перевода), несмотря на наличие коннотативного значения, переводчики предпочитают дословный перевод номинации. В 24% (503 варианта перевода) коннотативный оттенок значения передается посредством следующих видов лексико-семантических трансформаций: добавление (0,4% 2 варианта перевода), конкретизация (8%, 41 вариант перевода), генерализация (11 %, 55 вариантов перевода), опущение (14 %, 70 вариантов перевода), модуляция (21,6%, 109 вариантов перевода), реметафоризация (45 %, 226 вариантов перевода).

Особенности перевода антропоцентрических метафорических выражений с коннотативным компонентом проявляются в ряде рассматриваемых нами концептуальных моделей.

1. Многочисленную группу представляет собой метафорическая модель ЧЕЛОВЕК – это ЖИВОТНОЕ (168 единиц). Обращение к фаунистической лексике для метафорической номинации объясняется тем, что многие важные для человека понятия являются слишком абстрактными и нечетко очерченными в нашем повседневном опыте, поэтому возникает необходимость зафиксировать эти представления при помощи других, более предметных и ясных понятий [Лапшина, 1998].

Ряд номинаций в данной модели являются лакунами для русской культуры, тем не менее, в переводах часто употребляется словарный эквивалент, в связи с чем задуманный образ оригинала остается нераскрытым:

"And Sir Lawrence's quick dark eyes, like a snipe's or woodcock's, roved sceptically over his pretty niece" [Galsworthy, *Over the River*, URL].

«Глаза сэра Лоренса, быстрые и чёрные, как у кулика или вальдишнепа, скользнули по хорошенькому личику племянницы» [Голсуорси, *Через реку* (пер. Ю. Корнеева и П. Мелковой), URL].

Иногда в русской культуре хорошо известны упомянутые в оригинале животные, но нет четкого представления об их повадках, а в языке не используются метафорические выражения, уподобляющие поведение людей данным животным. Например, русскому реципиенту известно такое животное, как ласка, однако широкий круг читателей незнаком с повадками и характерными чертами этого животного:

"... the little Italian Countess taking notice of everybody, only playing her little game, objective and cold, like a weasel watching everything, and extracting her own amusement, never giving herself in the slightest ..." [Lawrence, *Women in Love*, URL].

«... уделяющую всем внимание маленькую итальянскую графиню, которая вела свою игру и бесстрастно, точно выслеживающая добычу ласка, наблюдала за всем происходящим, получала от этого одной ей понятное удовольствие, не выдавая себя ни единым словом ...» [Лоуренс, *Женщины в любви* (пер. Е. Колтуковой), URL].

Один и тот же концепт может порождать в разных языках несопоставимые образы. Например, в русской культуре тюлень воспринимается как ленивое, неповоротливое животное, что отражает и семантическая структура данной лексемы, развившей переносное значение «*неповоротливый лентяй*». В английской же языковой картине мира сложился совсем иной образ данного животного, делающий возможным метафорическое соотнесение тюленя и красивого мужчины, вызывающего восхищение женщин:

"She saw him-he looked like a seal" [Lawrence, *Women in Love*, URL].

Ярко положительная окраска английского концепта делает невозможным буквальный перевод образа, приводящий к грубому искажению авторского замысла:

«Она не сводила с него глаз – он был похож на тюленя» [Лоуренс, *Влюбленные женщины* (пер. В. Бернадской), 2007, с. 201].

Очевидно, что необходима или реметафоризация, или модуляция с экспликацией основания для сравнения. Замена *seal* → *морской котик* представляется очень удачной: с одной стороны, она минимально затрагивает концептуальную модель, с другой стороны, нейтрализует все негативные коннотации и допускает актуализацию контекстуальных смыслов:

«И тут она увидела его – в тот момент он походил на морского котика» [Лоуренс, *Женщины в любви* (пер. Е. Колтуковой), URL].

В метафорической модели ЧЕЛОВЕК – это ЖИВОТНОЕ встречаются сравнения привлекательных женщин с лошадью:

'She's got a horse-face,' Ursula said to herself, 'she runs between blinkers' [Lawrence, *Women in Love*, URL].

«У нее лошадиное лицо, – подумала Урсула. – Она постоянно в шорах» [Лоуренс, Влюбленные женщины (пер. В. Бернадской), 2007, с. 326].

Употребление номинации *horse* (лошадь) в описании женщины имеет нейтральную коннотацию в английском, но отрицательную в русском языке.

В случае подобного несовпадения коннотативного содержания целесообразнее применить модуляцию, как в нижеследующем примере:

And then immediately the shadow came back, a sullen, eagle look was on her face [Lawrence, Women in Love, URL].

А затем мрачная тень вернулась, лицо вновь стало хищным и угрюмым [Лоуренс, Женщины в любви (пер. Е. Колтуковой), URL].

Потенциально для метафорического наименования человека может использоваться любое животное, однако практически круг животных сужается до более или менее обозримого их количества, главным образом, тех, с которыми человек, применительно к среде своего обитания, знаком достаточно хорошо.

2. Культурологическими коннотациями обладает метафорическая модель ЧЕЛОВЕК – это ЧЕЛОВЕК (128 единиц). Область-источник ЧЕЛОВЕК отражает действительность и составляющие ее фрагменты, которые достаточно часто метафорически концептуализируются посредством подобия с другим человеком.

Культурологическую специфику содержат концепты «джентльмен», «рыцарь», «леди», «саиб». Заимствование концепта происходит, как правило, на основе переноса лишь его актуальных, внешних признаков, поэтому подобные концепты в разных культурах (в русской и английской) будут различаться по своему содержанию, что также отражается в процессе перевода. В тех случаях, когда контекст актуализирует пассивный исторический аспект концепта, необходимо использовать лексико-семантические переводческие приемы, например, модуляцию:

... he spoke like any gentleman, really [Lawrence, Lady Chatterley's Lover, URL].

... он изъяснялся по-благородному, ей-Богу [Лоуренс, Любовник леди Чаттерли (пер. И. Багрова, М. Литвинова), URL].

The sahib's born, not made – that is, if you take the atmosphere of homes as part of birth [Galsworthy, Flowering Wilderness, URL].

Барство – вещь врожденная, а не благоприобретенная, конечно, если добавит сюда и ту атмосферу, в которой ребенок живет с самого рождения [Голсуорси, Пустыня в цвету (пер. Е. Голышевой и Б. Изакова), URL].

В рамках концептуальной модели ЧЕЛОВЕК – это ЧЕЛОВЕК коннотациями обладают и те единицы, которые имеют отношение к историческим личностям, государственным деятелям, персонажам художественных произведений:

“The only thing was to release his self-pity. Like the lady in Tennyson, he must weep or he must die” [Lawrence, Lady Chatterley's Lover, URL].

«Самое для него лучшее - изойти жалостью к самому себе. Как той женщине у Теннисона, ему надо разрыдаться, чтобы не умереть» [Лоуренс, Любовник леди Чаттерли (пер. И.Багрова, М.Литвинова), URL].

В приведенном примере можно отметить коннотативное содержание модели ЧЕЛОВЕК – это ЧЕЛОВЕК, в которой возникает аллюзия на произведение Альфреда Теннисона «Леди Годива». В подобных случаях уместным мог бы быть небольшой комментарий, например:

Леди Годива – англо-саксонская графиня, жена Леофрика, графа Мерсии, которая согласно легенде проехала обнажённой по улицам города Ковентри в Великобритании ради того, чтобы граф, её муж, снизил непомерные налоги для своих подданных.

Перевод метафорических выражений, включающих имена персонажей художественных произведений, исторических личностей, допускает дословный вариант, что привносит в текст колорит переводимой культуры, но в отдельных ситуациях сопровождается использованием комментария.

3. В произведениях английской литературы часто употребляется метафорическая модель ЧЕЛОВЕК – это СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ СУЩЕСТВО, включающая сравнения людей с эльфами, троллями, феями (118 единиц). За последние годы, во многом благодаря кинематографу и произведениям Дж.Р.Р. Толкиена, данные номинации стали понятней, хотя по-прежнему в русской языковой культуре не распространены метафорические модели с подобными номинациями. В большинстве случаев переводчики сохраняют образы оригинала:

“... dark-skinned man with full eyes, an odd creature, like a child, and like a troll ...” [Lawrence, Women in Love, URL].

«Смуглолицый мужчина с глазами навываке – странное существо, похожее на ребенка и одновременно на тролля ...» [Лоуренс, Женщины в любви (пер. Е. Колтуковой), URL].

“They had seen him often in the forest, dancing about like an elf after the eddying leaves” [Wilde, The Birthday of the Infanta, URL]

«Они часто видели, как он, приплясывая, подобно эльфу, гонялся в лесу за кружащимися листьями» [Уайльд, День рождения Инфанта (пер. В. Орла), 2003, с. 286].

В подобных вариантах переводчики используют словарный эквивалент, что привносит определенный национальный колорит ИЯ в ПЯ.

4. Культурной коннотацией может обладать метафорическая модель ЧЕЛОВЕК – это РАСТЕНИЕ (57 единиц). В основе фитоморфных метафор, по мнению А.П. Чудинова, лежат базовые образы, связанные с архетипическим восприятием мира, в котором всё имеет корни и плоды, происходит из каких-то семян и зерен [Чудинов, 2001]. Область-источник РАСТЕНИЕ включает номинации специфических для данного региона растений.

“She was sitting on one of the taken-over chairs, in a bottle-green suit that went beautifully with her beech-leaf-coloured hair” [Galsworthy, Over the River, URL].

«Динни сидела на одном из стульев, которые Клер привезла с собой, и тёмно-зелёный костюм удивительно шёл к её волосам цвета опавших буквых листьев» [Голсуорси, Через реку (пер. Ю. Корнеева и П. Мелковой), URL].

Представляется возможным опущение наименования растения, перегружающего образ и делающего его менее прозрачным для нового адресата: цвет опавших листьев – более понятное сравнение, поскольку не каждый может представить себе цвет опавших листьев бука.

В некоторых ситуациях необходимость культурологической адаптации связана с влиянием звуковой оболочки слова на ассоциативный ряд и, как следствие, на коннотативное значение номинации:

“And she looked at Dinny’s hair. ‘Medlar-coloured, I call it’ [Galsworthy, Maid in Waiting, URL].

«Она посмотрела на волосы племянницы. – По-моему, это цвет мушмулы» [Голсуорси, Девушка ждет (пер. Е. Голышевой и Б. Изакова), URL].

В подобном варианте перевода *мушмула* не раскрывает образ и создает дополнительные сомнительные ассоциации. Буквальный перевод растительного мира в данных случаях не восполняет коннотативного значения и не дает представления о том, что имеет в виду автор оригинала.

5. Концептуальная модель ЧЕЛОВЕК – это ЕДА отражает либо неизвестные, либо мало распространенные в принимающей культуре особенности национальной кухни (11 единиц).

“Why, Caingey, old boy, you look like a boiled porpoise with parsley sauce” [Galsworthy, Flowering Wilderness, URL].

«Послушай, старина, а ведь ты похож на вареного дельфина под соусом из петрушки» [Голсуорси, Пустыня в цвету (пер. Е. Голышевой и Б. Изакова), URL].

В выявленных нами примерах используется дословный перевод, который может вызвать лишь недоумение читателя, незнакомого с прагматическим содержанием, вкладываемым в эти образы в исходной культуре. В подобных ситуациях возможно использование генерализации:

“He seems rather like a mince pie, you take a spoonful and hope. If you can eat the whole, you have a happy year” [Galsworthy, Flowering Wilderness, URL].

«Он вроде рождественского пирога с начинкой: берёшь кусок и не знаешь, с чем он, а если ты в состоянии съесть его целиком, тебе предстоит счастливый год» [Голсуорси, Цветок в пустыне (пер. Ю. Корнеева и П. Мелковой), URL].

В переводе Ю. Корнеева и П. Мелковой не уточняется, из чего сделан рождественский пирог, поскольку эта информация избыточна для русского реципиента. Перевод данной метафорической модели основан на культурологической адаптации, осуществляемой при помощи такой лексико-семантической трансформации, как генерализация.

Наличие коннотативного потенциала метафорических номинаций является релевантным фактором, влияющим на сохранение или изменение концептуальной метафорической проекции в переводе. Культурологической

коннотацией обладают номинации растений, животных, блюд национальной кухни, имена персонажей художественных произведений, исторических личностей, что требует в ряде случаев использования лексико-семантических трансформаций.

В **Заключении** обобщаются основные результаты проведенного исследования, делаются выводы о реализации когнитивного метода перевода метафорических моделей, намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Лингвокогнитивная теория отражает важные закономерности перевода, который не может полностью дублировать структурные и стилистические свойства оригинала. Успешность того или иного варианта перевода зависит от знания переводчиком когнитивной базы переводимой культуры, основных компонентов когнитивной сферы автора исходного текста, а также прагматического потенциала реципиентов.

Совмещение когнитивных и традиционных методик анализа переводческих трансформаций открывает новые перспективы развития теории и практики перевода, позволяет более полно охарактеризовать общие закономерности перевода концептуальных моделей и выявить лингвокультурологические особенности последних. Изучение когнитивных концепций перевода и лингвокультурных компонентов метафорических моделей представляется перспективным материалом для сопоставительных исследований при анализе произведений, относящихся не только к художественной литературе, но и к другим жанровым направлениям текста.

Основные положения диссертации отражены в следующих печатных работах:

**Статья в журнале, рекомендованном ВАК для публикации
результатов диссертационного исследования:**

1. Евстафова, Я. А. Эквивалентность перевода метафорических концептуальных моделей [Текст] / Я. А. Евстафова // Вестник Челяб. гос. ун-та. Сер. 2. Филология. Искусствоведение. – 2010. – № 49. – С. 45–48.

Другие публикации:

2. Евстафова, Я. А. Гендерно-культурологический аспект перевода метафор в художественном тексте [Текст] / Я. А. Евстафова // Смыслы, ценности, нормы в бытии человека, общества, государства : регион. науч.-практ. конф., 22 апр.–13 мая 2009 г., Челябинск / Челяб. гос. ун-т. – Челябинск, 2009. – С. 162–166.
3. Евстафова, Я. А. Лингвокультурологический и когнитивный подходы к гендерному аспекту перевода в художественных текстах [Текст] / Я. А. Евстафова // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2009. – № 4. – С. 76–80.
4. Евстафова, Я. А. Гендерный аспект проблемы переводимости культур в художественных текстах [Текст] / Я. А. Евстафова // Культура и коммуникация : сб. материалов V Междунар. заоч. науч.-практ. конф., март

2010 г., Челябинск / Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2010. – С. 81–85.

5. Евстафова, Я. А. Лингвокультурологический и когнитивный подходы к гендерному аспекту перевода в художественных текстах [Текст] / Я. А. Евстафова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : сб. ст. участников V Междунар. науч. конф., 26–27 апр. 2010 г., Челябинск. – Челябинск : Энциклопедия, 2010. – С. 269–272.

6. Евстафова, Я. А. Гендерно-культурологические факторы перевода художественных текстов [Текст] / Я. А. Евстафова // Язык и культура : сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. – Челябинск, 2010. – С. 44–48.

7. Евстафова, Я. А. Когнитивный подход к рассмотрению культурологической коннотации антропоцентрических метафорических моделей [Текст] / Я. А. Евстафова // Академический журнал Западной Сибири. – 2010. – № 5–6. – С. 49–51.

8. Евстафова Я.А. Концептуальное проецирование при переводе метафорических моделей [Текст] / Я.А. Евстафова // Современные вопросы науки – XXI век: Сб. науч. тр. По материалам VII междунар. науч.-практ. конф. (29 марта 2011 г.) – Тамбов : Издательство ТОИПКРО, 2011. – № 7. – Ч. 4. – С. 44–47.

Подписано в печать 12.05.2011.

Формат 60х90/16. Объем 1,0 уч.-изд.л.

Тираж 100 экз. Заказ № 1240

Бумага офсетная.

Отпечатано на ризографе
в типографии ГОУ ВПО «ЧГПУ».
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69.

